

две конные роты, одна по эту, другая по ту сторону реки. Пришлось прокладывать дороги в тех местах, где вода была низкой, что же до Бриарского канала, который почти высох, пришлось открыть там плюэ; сию почетную обязанность возложили на герцога Энгиенского.

Кардинал отправился на целебные ванны в Бурбон-Ланси, но они ему не помогли. У Плиния вычитал, что два римских консула умерли от чирьев, которые, как и он, подхватили в Нарбоннской Галлии. Кардинал часто страдал геморроем, и Жюв однажды счел необходимым его проперировать.

Вернувшись в Париж, Кардинал велел добавить к «Европе»⁶³ сцену, связанную со взятием Седана, которую он в пьесе назвал «Логово чудовищ». Этот замысел появился у него попутно с желанием уничтожить Испанскую монархию. Эту сцену и стихи написал г-н Демаре.

Пожелай Кардинал при своем всемогуществе творить добро — это было в его власти, — он стал бы человеком, чья память благословлялась бы вечно. Правда, Государственный совет доставлял ему изрядные заботы. Со смертью его мы немало потеряли, ибо он всегда ревностно пекался о Париже; а поскольку своими заботами он сумел достичь многого, было желательно, чтобы он пожил подольше, дабы одолеть Австрийский дом. Он был поистине помешан на великолепии собственного рода.

Дабы дать представление о том, насколько докучал Кардиналу Государственный совет, достаточно упомянуть о тех горестных часах, кои доставил ему Тревиля. Он знал, быть может, из показаний Господина Главного, что Король, указав на Тревиля, сказал: «Господио Главный, вот человек, который избавит меня от Кардинала, как только я этого захочу». Тревиля командовал конными Мушкетерами, которых Король создал, дабы они сопровождали его повсюду — и на охоту и невесть еще куда, — и сам подбирая их. Среди последних были сыновья г-на д'Юзе; таким вот образом прокладывали себе дорогу ко Двору. Тревиля был беарнцем, который выслужился из младших чинов. Кардинал подкупил его кухарку; говорят, будто ей платили четыреста ливров пенсии. Кардинал ни за что не хотел оставлять подле Короля человека, которому Король так доверяет; г-н де Шавинья был избран Кардиналом, дабы уговорить Короля прогнать Тревиля. Король весьма смиренно сказал ему: «Но, г-н де Шавинья, поймите же, что это может пагубно отразиться на моей репутации: Тревиля хорошо мне служил, он носит на теле рубцы — следы этой службы, он мне предан». — «Но, Государь, — ответил г-н де Шавинья, — поймите также и вы, что Кардинал тоже хорошо вам служил, что он предан, что он необходим вашему государству, что не подобает класть на одни весы Тревиля и его». — «Как, г-н де Шавинья! — воскликнул Кардинал, которому тот докладывал о своей беседе, — и это все, чего вы добились от Короля? И вы ему не сказали, что это необходимо? У вас закружилась голова, господня де Шавинья, голова у вас закружилась». Шавинья тут же поклонился Кардиналу, будто он сказал Королю: «Государь, это не-